

РЕДИ реклам минувшего театрального сезона в Токио, предлагавших самые разнообразные зрелища, от современных ревю и мюзиклов до классических спектаклей Кабуки, бросалась в глаза афиша, извещавшая о новой пьесе известного писателя Юкио Мисима «Мой друг Гитлер» в постановке недавно возникшего театрального коллектива «Роман-гэкидзё» («Романтический театр»). Новый театр, объявивший своим знаменем романтизм, начинал свою

но большое место (явление, не столь уж частое в той литературе, которую буржуазная японская критика относит к категории «подлинного искусства»).

В основу сюжета этого фильма положены события 1936 года в Японии, когда после неудавшегося офицерского путча, носившего чисто фашистский характер, группа его участников была осуждена, а один из офицеров, Синдзи Такэяма, тайно сочувствовавший путчистам, покончил жизнь самоубийством традиционным спосо-

КУЛЬТУРА
ЛИТЕРАТУРА
ИСКУССТВО

КОРИЧНЕВЫЕ ТЕНИ

И. ЛЬВОВА

жизнь в искусстве спектаклем с явно одиозным названием... Пьеса о фашистской Германии, в Японии, за тридевять земель от Европы, в наши дни? Это было неожиданно и не могло не заинтересовать.

Юкио Мисима — один из самых популярных писателей современной Японии. Коммерческая пресса давно уже отнесла его произведения к разряду наиболее «продающихся». Романы и пьесы Юкио Мисима не раз переводились на иностранные языки, в особенности в англоязычных странах. Этот писатель, еще сравнительно молодой (Мисима родился в 1925 году), считался даже возможным конкурентом лауреата Нобелевской премии по литературе за 1968 год, одного из старейших мастеров слова в Японии Ясунари Кавабата.

Мисима пишет много. Любопытно отметить, что его деятельность не ограничивается только литературой в узком смысле слова. Он подвизается и как актер, и даже как кинорежиссер. Так, в короткометражном художественном фильме «Скорбь о родине» (1966 год), сделанном по одноименному рассказу Мисима, он выступил не только в качестве сценариста, но и режиссера, художника и актера, исполняя главную роль. Само название фильма — «Скорбь о родине» — характерно для творчества Мисима, в котором «гражданские» мотивы, правда, трактуемые весьма своеобразно, занимают откровен-

бом хакайки, чтобы не участвовать в казни своих друзей. Роль Такэяма исполняет писатель Юкио Мисима. Зрители видят, как он снимает китель, обнажает живот, потом медленно вонзает в него свой меч и, корчась от боли, покрываясь потом, с пеной, выступавшей на губах, в течение добрых восьми-десяти минут неуклонно увеличивает разрез. Сперва брызжет фонтаном кровь, потом постепенно вываливаются кишки, и офицер падает мертвый возле собственных потрохов. Все это показано крупным планом, под звуки астральной музыки, при полной неподвижности сидящей рядом жены-красавицы, солидарной с героем-мужем. Верная подруга утирает пелену с губ мертвого мужа, благоговейно поднимает с пола его офицерскую фуражку, прижимает ее к груди, потом бережно надевает на голову мертвеца и удаляется плавной походкой, волоча подол траурного белого кимоно, запачканный кровью, чтобы с помощью кинжала последовать за своим мужем в царство мертвых. По счастью, зрители избавлены от зрелища второго самоубийства. Торжественно гремит музыка, и два лежащие рядом тела медленно превращаются на экране в мраморные изваяния, как бы подчеркивая, что героическая пара останется жить в веках в назидаение потомкам...

Фильм производит гнетущее впечатление. Дело не в предельном натурализме, способном ошеломить даже привычного ко мно-

гому современного европейского зрителя. Станным, необъяснимым кажется контраст между сегодняшним днем Японии и этим откровенным восхвалением диких обычаев средневекового самурайства, которые преподносятся с экрана в ореоле красоты и героики. Тогда, в 1966 году, хотелось думать, что фильм «Скорбь о родине» — просто случайность...

Но в 1969 году Юкио Мисима снова в центре внимания как автор пьесы «Мой друг Гитлер». И снова он не просто драматург, но также организатор и вдохновитель нового театрального коллектива «Роман-гэкидзё». Мне удалось увидеть этот спектакль. Друзья помогли достать билеты, и мы отправились. Зрелище оказалось любопытным и даже в некотором роде поучительным.

Фойе театра, сплошь заставленное цветами, напоминало оранжерею. То были подношения писателю Мисима и актерам. Визитные карточки, прикрепленные к цветочным корзинам, сообщали имена дарителей — названия фирм и объединений, торговых домов и банков. Были цветы, присланные отдельными почитателями, тоже большей частью от лиц, достаточно именитых. Как видно, творчество Юкио Мисима и впрямь пользуется успехом у сильных мира сего.

Среди зрителей, до отказа заполнивших зал, выделялась группа юношей, одетых по меньшей мере экстравагантно, в костюмы, представлявшие собой причудли-

вую смесь эсэсовского мундира с униформой боя в каком-нибудь токийском отеле. Фуражки с высокой тульей, украшенные огромными гербами и золотыми шнурами, мундиры с блестящими пуговицами, брюки с лампасами, погоны, нарукавные повязки... Ни дать, ни взять — штурмовики, разве что цвет мундиров не коричневый и не черный, а какой-то неопределенно-кофейный... Странно выглядели эти японские юноши, державшиеся без тени смущения, хотя публика прово-

жизнь в казарме, и создание «личного штурмового отряда», и другие экстравагантные выходки в том же стиле в значительной степени рассчитаны на рекламу, делаются с прицелом на газетную шумиху, на сенсацию, без которых уже не могут функционировать средства массового общения в Японии: пресса, радио, телевидение. Сенсация стала неотъемлемым элементом жизни в буржуазном обществе. Поэтому не стремление к сенсации само по себе, а то направление, та сфера,

сонажей произвольные реплики, заставляя их действовать, как заблагорассудится автору. Почти сто лет назад передовые умы Японии восстали против этой средневековой традиции, призывая к созданию реалистического театрального зрелища, где торжествовала бы правда жизни, правда характеров. С тех пор японская драматургия проделала большой путь и может похвалиться значительными достижениями в деле создания современного театра. Но эти проблемы, очевид-

НА ПОДМОСТКАХ

ПО ПОВОДУ ОДНОГО СПЕКТАКЛЯ

жала их любопытными взглядами.

Японские друзья, посмеиваясь, объяснили, что это «личная гвардия» писателя Юкио Мисима, так сказать, «персональный штурмовой отряд», созданный по его инициативе и на его личные средства. «Эсэсовские» мундиры сшиты по эскизам, разработанным самим Мисимой, который является «командиром», как бы «штурмбаннфюрером» этого «воинского подразделения». И действительно, после окончания спектакля, в ответ на аплодисменты зрителей, Мисима вышел на сцену вместе с актерами, одетый в такую же униформу. Мои японские друзья глядели на этих «японских штурмовиков» со снисходительной, чуть иронической улыбкой. Однако в моих глазах эта униформа, несмотря на ее опереточный комичный характер, выглядела зловеще и отнюдь не смешно. Не знаю, насколько ли эти молодцы целиком на содержании Мисима или они переодеваются в эту форму по его приказанию только по вечерам, а днем где-нибудь работают или учатся, но, судя по всему, восхищение писателя Мисимой былыми лаврами бандитов-штурмовиков зашло и впрямь далеко.

Минувшей осенью, желая окончательно проникнуться «духом армии и солдатской жизни», он самолично поселился в казармах японской армии, так называемых войск самообороны («дзизэтай»), и прожил там больше месяца, деля с солдатами «тяготы суровой военной жизни». Конечно, и эта

в которой ищет и создает шум вокруг своего имени писатель Юкио Мисима, кажутся тревожными и симптоматичными. Армия, казарма, образы головорезов-штурмовиков, воскрешенные на подмостках современной японской сцены... Случайность ли это?

Действие пьесы «Мой друг Гитлер» относится к 1934 году и происходит в рейхсканцелярии Гитлера, вскоре после прихода фашистов к власти. Декорации спектакля были сделаны в реалистическом духе, но не отличались ни свойственным японцам художественным вкусом, ни выдумкой и выглядели довольно убого. Режиссура также удивила меня полным отсутствием какой-либо самобытности или оригинальности, а что касается постановки, то весь спектакль в целом шел на уровне любительского спектакля средней руки.

Действующих лиц всего четверо: Адольф Гитлер, Людвиг Рем, Грегор Штрассер, Густав Крупп — все реальные исторические лица. В основе драматического конфликта — казнь начальника штурмовых отрядов Рема и его приговоренных, предательство Гитлера и «душевное благородство» Рема.

При виде того, как беспардонно извращается историческая правда в этой претендующей на историзм пьесе, невольно вспоминаешь средневековый японский театр, где драматурги обращались с историческими событиями так же непринужденно и вкладывали в уста подлинных исторических пер-

но, ничуть не занимали Юкио Мисима. С легкостью, уместной разве что в водевиле, он извращает события, подтасовывает факты в угоду своему замыслу. Этот авторский замысел раскрывается в пьесе крайне прямолинейно, что называется, «в лоб».

Главным рупором авторских идей является центральный персонаж пьесы, ее главный и «положительный» герой Людвиг Рем. Да, именно Рем, главарь фашистских банд, начальник штурмовых отрядов, выступает в пьесе носителем положительных идеалов, выразителем ее главной темы, которая сводится к восхвалению «воинской доблести», «духа армии» в чисто фашистской интерпретации этих понятий. Сюжет несложен: Рем, олицетворение солдатской чести и верности, храбрый и простодушный, беззаветно преданный Гитлеру («Мой друг Гитлер» — это как бы девиз Рема и его руководство к действию), обманут коварным Гитлером, приносящим Рема в жертву во имя достижения своих политических целей. Рем предупрежден о грозящей ему опасности, но слепо верит в Гитлера, в его дружбу, отказывается бежать и погибает. Злой гений, Густав Крупп, владелец сталелитейных концернов, торжествует победу. Оказывается, это он был заинтересован в том, чтобы убрать Рема с дороги и беспрепятственно навязывать Гитлеру свою волю. Прямолинейный и честный, как и подобает «подлинному солдату»,

Рем, оказывается, мешал гнусному монополисту Круппу и «предавшему революционные идеалы» Гитлеру...

Такова несложная сюжетная канва пьесы, ее центральный сюжетный узел. Нечего говорить, что между подлинным Ремом и тем живым рупором «идей» Мисима, который предстает перед зрителями в спектакле «Мой друг Гитлер», нет ни малейшего сходства. Как уже говорилось, подлинный историзм — вне интересов драматурга Мисима. Ему важно заставить своего Рема произнести, например, следующий монолог:

«...Армия — вот истинное царство мужчины! В утренних лучах солнца, пробивающихся сквозь зелень листвы, блестят медные трубы, возвещающие подъем. Только в армии мужские лица обретают настоящую красоту. Сияют на солнце золотистые кудри юношей, выстроившихся на утреннюю поверку, голубые глаза их сверкают, как лезвие меча, взгляд полон сокрушительной силы, переполняющей их тело и душу после ночного отдыха. Могучие груди, овеваемые утренним ветерком, дышат священной гордостью, гордостью сильных молодых хищников. Вороненные пистолеты, сапоги, начищенные до блеска... Пробужденные к жизни железо и дубленая кожа... Все эти юноши как один понимают, что только поклявшись погибнуть героической смертью, можно в полной мере вкушать красоту и наслаждение, когда рухнет все и вся.

...Днем, в маскировочных халатах, солдаты сливаются с природой,

превращаются в огнедышащие кусты, в деревья, несущие смерть. А ночью их, грязных и потных, ласково встречает казарма. На их щеках еще горит, подобно вечерней заре, отблеск свершенного за день опустошения. Они чистят свои винтовки и вновь ощущают проникшую в плоть и кровь упоительную жестокую радость, чувствуют себя стайей хищников, подчиняющих себе мир. И нежно и ласково поет им сигнал отбоя...»

Пусть извинят меня читатели за столь длинную цитату. Каждая реплика Рема, этого носителя «идеалов армии и войны», звучит в таком же духе. Но хочется подчеркнуть, что культ «вороненого пистолета» и «начищенных сапог» подается в пьесе Юкио Мисима далеко не ретроспективно, не в плане сожалений о прошлом, о минувших временах господства военщины, а обращен непосредственно к настоящему, более того — претендует на устремленность в будущее. Действие спектакля происходит в далекой Германии, но на каком бы материале ни строилась эта пьеса, она тесно связана с политическими тенденциями современного японского общества, с противоречиями, общими для тех стран, к числу которых принадлежит и Япония.

В пьесе Юкио Мисима действуют немецкие фашистские главарь, разворачиваются события 35-летней давности, но в действительности писатель пытается поставить проблемы, жгуче актуальные для сегодняшней Японии, и даже стремится указать пути для разрешения противоречий, раздражающих современное японское общество. Для этого он прибегает к самой грубой и откровенной демагогии — испытанному средству для уловления неискушенных душ.

В пьесе Юкио Мисима политические лидеры (в данном случае, Гитлер и его «злой гений» Крупп) не способны вывести государство из кризиса, смыть позор поражения, ликвидировать безработицу, имущественное неравенство, коррупцию, голод и нищету народа, «всю прогнившую буржуазную государственную машину» (эти слова автор вкладывает в уста своего «положительного героя» Рема). Оказывается, выполнение этой задачи под силу лишь «вороненым пистолетам», иными словами, армии. «Да, я — военный», декламирует японский Людвиг Рем, созданный фантазией Юкио Мисима. — Но я не из числа тех брюхатых, увешанных орденами старых немецких генералов,

любящих вздремнуть после обеда. Армия должна быть могучей и молодой, подвижной и грубой, должна жрать и пить, не ведать страха. Армия должна бить витрины уличных лавок, если того просит душа, и проливать кровь, сражаясь на стороне угнетенных... Такова настоящая армия, армия рыцарства и разбоя!»

Армия, — хочет убедить зрителей Юкио Мисима, — главный носитель революции. Слова о революции, справедливости и народе непрерывно раздаются со сцены, звучат поистине кощунственно в устах фашистских главарей. «Какова же миссия твоих штурмовых отрядов?» — обращаясь к Рему, спрашивает актер, играющий Круппа. «Революция! — без малейшей запинки восторженно восклицает японский Рем. — Вечно обновляющаяся революция! Штурмовые отряды — это своего рода землечерпалка, существующая для того, чтобы мощными черпаками поднимать грязь со дна и очистить фарватер. Освободить дорогу судам будущего, неизмеримо более великим, чем современные... Мы погружаем в воду могучие, стальные руки, погружаем их в отвратительную грязь, где царят аморальность, разложение, реакция и застой, принципы интернационала... И мы не остановимся, пока не выгребем без остатка всю эту грязь и не очистим дно...»

Таков Людвиг Рем в пьесе японского писателя Юкио Мисима, главарь немецких штурмовиков, кровавые дела которого прокладывали Гитлеру путь к власти. Издеваясь над историей, над самим понятием революции, Мисима действует как опытный демагог. Оказывается, конфликт между Ремом и Гитлером оттого и возник, что Гитлер изменил идеалам революции, а «благородный солдат» Рем остался им верен... Рем, «простая душа», настаивает на ликвидации монополистического капитала и требует конфискации в пользу народа даже сталелитейных заводов Круппа. Сам же Крупп, как торжественно заявляет японский Рем, «должен надеть синюю спецовку и стать к станку, как рядовой рабочий...»

Совершить революцию, говоря словами того же Рема, призвана молодежь. Безудержная лесть в адрес молодежи, восхваление темных инстинктов и подлинный культ разрушения пронизывают всю пьесу. «Сейчас наша главная задача — воспитание и образование народа», — вещает Мисима, на

ЯПОНСКИЕ ПОСЛОВИЦЫ

Дети не знают глубину
сердца родителей.

Если спешишь —
объезжай окольным путем.

Завтракай с вечера
(т. е. все делай заранее).

Загнанная мышь
отваживается
кусать кошку.

этот раз устами своего Гитлера.— Долой худосочных софистов-профессоров, они нам ни к чему! Эти бессильные интеллигенты, не способные удержать винтовку в руках, окончательно позабывшие о том, что они мужчины, трясутся над своей худосочной жизнью и по этой причине вопят о мире. Нам не нужны такие профессора! Мы не хотим, чтобы антипатриоты-учителя, отрицающие славную историю своей родины, извращающие эту историю, забивали головы нашим детям своими антипатриотическими теориями...»

Эти слова, звучащие со сцены, обращены уже непосредственно к молодым японцам, заполняющим зал. В дни, когда студенческое движение сотрясает учебные заведения Японии, этот культ разрушения и насилия, проповедуемый с подмостков театра, поразительно точно смыкается с лозунгами ультралевых троцкистских элементов, влияние которых, к сожалению, далеко еще не преодолено в японском молодежном движении. Минувшая зима с ее почти непрерывными студенческими конфликтами и бунтами подтвердила, как коротка дистанция от ультралевых до ультраправых. Искусно играя на недовольстве молодежи современной капиталистической действительностью, пьеса Мисима с помощью лесты и прямой лжи указывает выход из всех современных противоречий: «вороненый пистолет», милитаризация, «стая молодых хищников», которым «дозволяется все».

Японские друзья уговаривали не придавать слишком большого значения спектаклю, не делать на основании одной пьесы далеко идущих выводов. Они склонны расценивать пьесу «Мой друг Гитлер» как очередную эскападу «оригинала» Юкио Мисима, любящего эпатировать общество. Возможно, в какой-то мере это мнение справедливо. И все-таки разве не настораживает тот факт, что в стране, провозгласившей отказ от армии и войны, официально сделавшей принципы сохранения мира параграфом своей конституции, стало возможным появление подобной пьесы и находятся люди, встречающие ее автора аплодисментами и цветами? Пусть число их сегодня невелико, но, как справедливо пишет газета «Ака-хата», орган ЦК японской компартии, было бы опрометчиво недооценивать опасность все усиливающихся фашистско-милитаристских тенденций, столь отчетливо отраженных в литературной продукции Юкио Мисима.

МУИИ БСISY

Палестина

ЖАНДАРМЫ

И снова пришли жандармы.
Разбуди городские колокола —
снова пришли жандармы.
Чтоб локти твои к лопаткам загнуть,
снова пришли жандармы.
Грохочут каменные ступни.
Снова пришли жандармы.
Улица — сломанная рука.
Снова пришли жандармы.

Разбуди мои строки:
темная вязь —
твой талисман и щит.
Разбуди мои строки —
орлиным крылом
выпрямятся они.
Молния-птица —
слово мое
в тихой ладони спит.
Подними раскаленную гроздь,
выжми огненный сок!

Слышу крик твоего окна —
распинают его.
Стонет, пересыхая, ручей —
пьет взбесившийся волк.
Дерево, стиснув зубы, молчит —
гложет его огонь.
Пловец, цеплявшийся за скалу,
сброшен в водоворот.

Втиснули в каменную шинель
город, едва живой.
Кто, переулок, вправит тебе
вывихнутый сустав?
Малую птицу коршун когтит,
капли крови бегут,
и, прикоснувшись к старой земле,
встают волнами знамен...

Перевел

Михаил Курганцев